

«Я СТАВЛЮ ГИТАРУ КАК ВИОЛОНЧЕЛЬ»

Известия - 2004 - 16 сен. - с. 15

ГИТАРИСТ ПОЛ ГОЛБРАЙТ

ГАСТРОЛЬ

В Москву впервые приехал с концертами гитарист-виртуоз и кроме того изобретатель уникальной восьмиструнной «Брамс-гитары» Пол Голбрайт. В его репертуаре огромное количество не только гитарных опусов — от скрипичных сонат и партит Баха (эта запись была номинирована на «Грэмми») до клавирных сонат Гайдна. Вчера гитарист играл аранжировки фортепианных сочинений Дебюсси и Равеля, сегодня солирует в фа-минорном концерте Баха. С ПОЛОМ ГОЛБРАЙТОМ поговорила музыкальный обозреватель «Известий» ЕКАТЕРИНА БИРЮКОВА.

— Сейчас в мире классической музыки мода на аутентизм, а соответственно и на исторически достоверные инструменты, которые, как правило, тихие и неудобные. Вы сознательно игнорируете эту моду, когда изобретаете новую гитару с мощным звуком и огромными возможностями?

— Аутентичное движение началось уже почти 50 лет назад, а его пик пришелся на 1970-е. Это движение, конечно, очень важно для нас, но пора посмотреть на него в перспективе. К тому же должен сказать, что мой инструмент — гитара — не так уж связан с этим движением, потому что он сам по себе довольно новый и с весьма запутанной историей. Современная гитара, та, которую мы сейчас имеем, — это не тот

инструмент, на котором играли во времена Баха. С ней — как с фортепиано. Вы ведь можете сегодня выбрать фортепиано, чтобы играть на нем Баха, но, конечно, вы уже не будете играть его в той же манере, что Шопена. Сейчас, кстати, даже аутентисты опять возвращаются к фортепиано, хотя долгое время об этом нельзя было и подумать. Но люди стали более гибкие, более реалистичные и понимают, что фортепиано может обеспечить лучший баланс с оркестром, чем, скажем, клавесин. А гитара и лютия находятся примерно в таких же взаимоотношениях, как фортепиано и клавесин.

— Как устроен ваш инструмент и в чем его смысл?

— Главная идея — расширить возможности гитары. К первой и шестой струнам добавлены две добавочные. Для того чтобы первая струна звучала адекватно, подставка поставлена под углом, и все лады тоже выстроены под углом, как у баяна. Такая конструкция гитары позволяет всем струнам быть в своем натяжении, то есть не нужно искусственно утоньшать струну. После многих экспериментов я поменял положение гитары, поставил ее как виолончель — это дает возможность сидеть на сцене полностью раскрепощенным. Играть на ней можно очень многое из фортепианного репертуара — при минимуме потерь в количестве нот и максимуме эффекта, потому что гитара обладает таким интимным тембром, которого нет у фортепиано.

— Вы запатентовали свое изобретение?

— Нет, до этого пока не дошло.

— Год назад вы вместе с Петербургским струнным квартетом исполнили «Рапсодию на грузинские темы» грузинского композитора Зураба Надарейшвили. Откуда взялся такой экзотический проект?

— Просто у нас с петербургским квартетом общий прокатчик в Америке. Мы слушали-слушали друг друга, и в конце концов решили сыграть вместе. А поскольку не так много вещей, которые написаны для такого состава, пришлось кому-нибудь специально заказать сочинение.

— А вообще вы предпочитаете выступать на сцене в одиночестве или все-таки еще с кем-нибудь?

— Предпочитаю играть соло. Или в ансамбле, который я сам создал, — это Бразильский гитарный квартет. Там две гитары классические и две восьмиструнные. Мы сами делаем аранжировки, в основном фортепианной музыки, иногда находим и оркестровые вещи. Бразильская музыка для этого очень хорошо подходит, потому что гитара — это часть бразильской культуры.

— Вы, шотландец, из-за этого и поселились в Бразилии?

— Двадцать лет назад я путешествовал по Бразилии и подумал: «Вот страна, в которой хотелось бы жить». Так в конце концов и оказалось.